

РЕЦЕНЗИИ И АННОТАЦИИ

Опытные сельскохозяйственные станции и становление отечественной агрономии как профессии

К.О. Россиянов

Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН,
Москва, Россия; rossiianov@yahoo.com

На суд читателя представлен фундаментальный труд — в двухтомном сочинении О.Ю. Елиной¹ впервые в отечественной и мировой литературе анализируется история опытных агрономических учреждений в России с момента их зарождения до конца 20-х гг. XX в. Принципиальная новизна избранного автором подхода заключается в том, что предметом исследования становится не только развитие сельскохозяйственных знаний, но и история экспериментальных станций, показательных полей, образцовых хозяйств, постепенно, в ходе длительной эволюции, образующих единую общероссийскую сеть и определяющих само лицо отечественной агрономической науки. На наш взгляд, именно эта чрезвычайно удачно выбранная точка зрения придает всему исследованию органическую целостность, одновременно делая книгу событием не только для историка российской науки, но и для исследователя, занимающегося изучением общей, гражданской истории России.

¹ *Елина О.Ю.* От царских садов до советских полей. История сельскохозяйственных опытных учреждений. XVIII — 20-е годы XX в. М., 2008.

В истории науки вопрос о «месте», в котором «делается» наука и работают исследователи, будь то лаборатория, морская станция, экспедиция, частный загородный дом или музей, важен при изучении не только организационной и институциональной, но и собственно содержательной стороны развития науки. История сельскохозяйственных станций принадлежит, несомненно, к этой традиции исследования научных знаний, но одновременно означает и шаг вперед в изучении огромного пласта отечественной культуры, чрезвычайно важного для понимания главного, возможно, нарратива отечественной истории — отношения образованных элит и народа. Огромное место в сознании образованных русских занимало представление о пропасти между интеллигенцией и народом, но очень часто само преодоление разрыва виделось современникам, а позднее и описывалось историками — в рамках культуры типично городской и «господской». Так, задачи просвещения сплошь и рядом связывались — не только профессорами, но и с прогрессивными публицистами, такими как Д.И. Писарев, — с созданием университетов, что оборачивалось, по мнению некоторых историков, прямым ущербом начальным народным школам. С другой стороны, хотя «хождение в народ», часто в качестве земского медика или учителя, — общеизвестный факт русской культурной жизни, однако до сих пор мы все еще мало знаем о богатстве профессиональных ролей, о культурной и институциональной среде, созданной усилиями земских специалистов. И убеждаясь в том, что деятельность этих специалистов — статистиков, врачей, экономистов, агрономов, бактериологов, ветеринаров — лишь в последнее время стала привлекать по-настоящему серьезное внимание историков, нам остается только недоумевать и вновь и вновь задумываться о природе самоподдерживающейся дихотомии «интеллигенции» и «народа» в нашем историческом сознании.

Импульсы к созданию опытных станций исходили в конечном счете из городов, но существование их не предполагало обязательной организационной связи с такими типично городскими учреждениями, как университеты и другие высшие учебные заведения; характерным было и отсутствие единого административного центра. Как показывает автор в первой части своей работы («Садовая наука — предтеча опытной агрономии»), прообразом и часто прямым предшественником опытных полей и станций — отдельных «узлов» будущей научной сети — становится в России поместье — частное владение монастыря, самодержца, аристократа или провинциального дворянина. Автором анализируется история монастырских и царских садов, деятельность Петра I, наиболее значительного патрона «садовой науки», преследовавшей не только развлекательные и утилитарные, но и познавательные цели. В качестве важной вехи выделяется Манифест о вольностях дворянства (1762), позволивший помещикам проводить значительную часть времени в имениях, занимаясь, в том числе, различными опытами и хозяйственными усовершенствованиями. В «доземский» период XIX в. в опытное дело вовлекается большое число действующих лиц с различными мотивами, интересами и целями. Это — ученые-естественники, первые профессора агрономии, такие как профессор Московского университета М.Г. Павлов, отдельные помещики, желающие приобрести «символический капитал» — репутацию просвещенных хозяев, а также владельцы крупных товарных хозяйств на юге, стремящиеся нажить капитал вполне материальный. Наконец, мотивом может выступать и стремление помочь крестьянину, понять сам строй его жизни. Эта глубоко своеобразная, отличающая Россию от других европейских стран особенность выступит на первый план позднее, когда стремление к просвещению и служению народу станет едва ли не главным мотивом специалистов. Именно земский этос сыграет, по-видимому, главную роль в консолидации опытного дела — переходе от отдельных опытных и показательных хозяйств к

единой системе экспериментальных станций, возникающей сначала в пределах уездов и губерний, а затем и всей страны в целом.

Роль общественных и земских учреждений в качестве патрона и организующей силы агрономических исследований исследуется автором во второй части книги («„Общественное вспомоществование“ агрономическим исследованиям»). Появление этого патрона означает возникновение нового сектора неправительственной, децентрализованной науки, ставя перед нами закономерный вопрос: что новая форма организации науки дала для ее содержательного развития? Понятно, что выход исследований за пределы университетов и сельскохозяйственных институтов расширил базу их поддержки, открыв новые, прежде недоступные источники финансирования. Рискнем, однако, предположить, что развитие на новом месте позволяло земским специалистам освободиться и от влияния старых, сдерживавших развитие науки представлений. Так, например, в развитии русских бактериологических институтов и станций поддержка со стороны земств и общественных организаций сыграла ключевую роль как раз потому, что на медицинских факультетах университетов бактериологам приходилось работать в тесных для них дисциплинарных рамках — главным образом, вместе с патологами, бактериология для которых долгое время оставалась, если не прямой ересью, то чем-то достаточно сомнительным. Автор убедительно показывает — и вывод этот представляется новым и важным для истории российской генетики — что именно растениеводы и селекционеры, работавшие не только на опытных полях высших сельскохозяйственных институтов, но и на провинциальных станциях, стали первой в России массовой аудиторией для менделизма: заимствуя с западных селекционных станций новые практики работы, селекционеры воспринимали и связанные с ними генетические знания, в частности учение о чистых линиях.

Можно предположить, что, противопоставляя себя науке правительственной и централистской, земская и общественная наука нередко оказывалась и более современной, и более близкой науке западной, черпая новые знания в очень значительной степени благодаря заграничным поездкам и командировкам специалистов, в том числе провинциальных. Свидетельством этого может служить развитие в рамках общественной и земской агрономии науки селекции, тесно связанной с новыми генетическими идеями. Автор проводит анализ этого, как ни странно, специфически русского термина, не использовавшегося для профессионального самообозначения в западных странах, показывая, что дело здесь не в одном только термине: «селекция» использовалась для сознательного дистанцирования от прежних идей и старого поколения растениеводов, благо, что для подобного дистанцирования имелись не только лингвистические, но и институциональные возможности — широкая, нецентрализованная, создающая больше возможностей для идейного плюрализма система станций.

Впрочем, в роли «современной науки» селекция предстает как своеобразный симбиоз земской и какой-то иной идеологии поддержки науки, развивающейся в тесной связи с земской организацией, но все-таки от нее отличной. Знакомясь с книгой, мы убеждаемся, что децентрализация и местная инициатива приобретали с течением времени новый во многом смысл, не совпадающий с земской идеей дистанцирования от правительства и сближения с народом. Дело в том, что, наиболее успешно агрономическая и селекционная наука развивалась на юге России, в черноземной зоне, сельское хозяйство которой было тесно связано с товарным производством и экспортом хлеба. Важную роль среди гласных земств играли владельцы больших имений, а интерес к науке объяснялся здесь не столько идеалистической идеей просвещения народа, сколько экономическими, рыночными мотивами. При этом помещики юга были не просто богаты

и заинтересованы в повышении урожайности, но вынуждены были считаться с требованиями, предъявлявшимися мировым рынком к качеству сельскохозяйственной продукции, в частности, к отсутствию вредителей и разного рода примесей — достичь этого можно было лишь применением современных «научных» методов.

Как отмечает автор, на местном уровне разделение между земскими и правительственными специалистами ощущалось весьма остро: так, правительственных агрономов, — а они в начале XX в. уже работали, хотя и в незначительном числе, в губерниях, — земские специалисты сплошь и рядом не приглашали на свои заседания. Но и внутри земской агрономии существовали две «школы» — одна из них была связана с уже упомянутым «югом», где прежде всего и развивалась селекция, другая же — с «севером». И там, в деятельности сельскохозяйственных станций, расположенных в нечерноземной зоне, главное место принадлежало распространению среди крестьян уже имевшихся знаний, методов земледелия и поднятия плодородия почвы, в то время как собственно научные исследования играли в общем-то скромную роль. Но именно на севере во всей полноте и исходной чистоте проявился и земский этос с его ключевыми ценностями — независимостью от правительства, децентрализацией земской работы, необходимостью широкого этического мировоззрения, противопоставляемого замкнутости в рамках узкой специальности. Автор упоминает о спорах двух школ (защитников «научных исследований» и «распространения знаний»), размежевание между которыми в значительной степени (но далеко не всегда!) совпадало с условным географическим разделением на юг и север. Однако хотелось бы узнать об этих спорах, так же как о внутренней гетерогенности сообщества в целом — больше, что сделало бы возможным сравнение с другими земскими специальностями и профессиями, приблизив нас к общей их исторической типологии. Мы знаем, например, что в земской медицине, одной из наиболее развитых среди этих специальностей, дискуссии между сторонниками современного экспериментального подхода и старого, гигиенического и статистического изучения болезней, позволявшего чувствовать себя максимально близким к крестьянину (т.н. «спор пера и пробирки»), вышли в начале XX в. на первый план на съездах Пироговского общества. Хотелось бы также услышать не только о научной и организационной деятельности станций, но и о повседневной жизни работавших на них специалистов, их быте, отношениях друг с другом, с младшим персоналом станций, с соседями — помещиками и крестьянами. Коль скоро частные и общественные станции и поля — это не только организационная форма, но и «хронотоп» (подобная мысль неизбежно возникает у читателя!), резонно задаться вопросом о его особенностях.

Мы также становимся свидетелями еще одного важного процесса. Как представляется, потребности агрономической науки перерастают с течением времени возможности как чисто земского патронажа, так и «рыночного», присутствующего в деятельности земств и общественных организаций богатого юга. Интересы специалистов все чаще расходятся в XX в. с интересами земств, что становится заметным в развитии самых разных земских специальностей. Это и заставляет, на наш взгляд, представителей целого ряда профессий искать «смешанных» форм патронажа: наличие нескольких источников поддержки заметно увеличивает степень автономии. И, как отмечает автор, партнером агрономов в первое десятилетие XX в. все в большей степени начинает выступать правительство. Рискнем предположить, что дело здесь не только в росте агрономической организации, вынужденной решать все более масштабные и сложные задачи, но и в зрелости профессионального сообщества, способного стать партнером государства и влиять на его решения.

Чрезвычайно важной поэтому представляется роль специалистов, которые начинают работать в самом правительстве, — такой вывод напрашивается при чтении третьей части исследования О.Ю. Елиной («Государство и сельскохозяйственное опытное дело»). В 1893 г. С.Ю. Витте рекомендует на должность нового министра государственных имуществ А.С. Ермолова, в прошлом выпускника Петербургского земледельческого института, — событие беспрецедентное, ибо впервые, как пишет автор, министром становится ученый. Вслед за ним на службу в министерство приглашаются известнейшие специалисты — почвовед П.А. Костычев и агроном И.А. Стебут. Создается и ряд правительственных бюро — научных учреждений, занимающихся исследованиями в нескольких отраслях сельскохозяйственной науки. Таким образом, наряду с продолжающимся противостоянием земской и правительственной агрономии на местах, мы становимся свидетелями сотрудничества ученых и центрального правительства. Интересно было бы узнать больше и о возможной «миграции» специалистов между различными научными учреждениями — правительственными и общественными: можно предположить, что в жизни отдельного ученого профессиональные интересы могли возобладать над лояльностью тому или иному сектору агрономии.

Но одних только правительственных усилий мало: государству так и не удается создать единую национальную сеть станций — так же, как недостаточно для этого усилий земств и действия рыночных сил. Автором подробно анализируется ход подготовки Всероссийского совещания по организации опытного дела, созванного в 1908 г. по инициативе правительства, — важно, что право принимать решения было предоставлено на нем не только правительственным, но и земским специалистам. Участники смогли согласовать единый проект организации опытного дела, согласно которому наряду с местными создавались крупные «районные» станции, располагавшиеся в центре больших естественно-исторических областей и подконтрольные правительству. Однако в ходе подготовительных думских консультаций (проект обрел силу закона в 1912 г.) баланс интересов был сдвинут в сторону общественного и местного: районные сельскохозяйственные станции финансируются правительством, но организуются и управляются губернскими земствами.

В эпоху I Мировой войны влияние специалистов продолжает расти; ряд приводимых автором фактов свидетельствует и о другом, на наш взгляд, важнейшем процессе: стремление к независимости от бюрократии сочетается с переходом значительного числа земских специалистов на позиции централизации, осуществляемой либо в партнерстве с государством, либо, возможно, без него — силами самих общественных организаций. Так, на Совещании по организации посевной кампании, созванной Всероссийским земским союзом в 1916 г., специалисты вместе с другими земскими деятелями «...предлагали в качестве „чрезвычайных мер“ ввести реквизиции и продрозверстку... государственное централизованное планирование, мобилизацию науки и даже коллективизацию...» (т. 1, с. 382–383). По-видимому, претензии к правительству сводились теперь к тому, что оно, выражаясь современным языком, — «неэффективный менеджер» и что специалисты справятся с организацией дела во всероссийском масштабе лучше, чем бюрократы.

Призывы к централизации во многом объяснялись особыми условиями военного времени. И все-таки подобная смена вех — поддержка централизации как раз теми, кто раньше ей изо всех сил противился, — поразительна! И здесь, как нам представляется, право на существование приобретает версия об идейной эволюции специалистов — возможно, в рамках сдвига баланса между представителями двух групп: носителями

старого земского этоса и новыми специалистами, все больше и больше полагающимися и зависевшими от современных знаний, технологии, инфраструктуры. В этом, возможно, можно увидеть аналогию процессу, происходившему в Европе и хорошо известному историкам: в ходе модернизации на сцену выходит новое поколение профессионалов, причем сознание высокой культурной миссии отступает постепенно на задний план, а модель узкого специалиста получает все большее распространение. Отличие от Европы, и прежде всего Германии, можно увидеть в том, что роль широко образованного профессора — носителя культурной миссии, в России выполнял земский работник, воплотивший, если не сформировавший, архетипический образ интеллигента, для которого «широта» означала в первую очередь необходимость этического мировоззрения — «правды-справедливости», а не одной только «правды-истины», если вспомнить знаменитую формулу Н.К. Михайловского. Высказанная нами гипотеза требует, разумеется, дальнейшей проверки на конкретном материале земской науки.

Неожиданное продолжение тема централизации получает в советское время, когда правительство становится главным, если не единственным патроном науки, а сами специалисты закономерно, хотя и постепенно, теряют свою автономию. Новая роль государства связана с тем, что старая система патронажа фактически перестает существовать: земства были ликвидированы вскоре после большевистской революции, возможности частных лиц и общественных организаций также чрезвычайно сузились. Состоявшееся в 1918 г. совещание по опытному делу признало необходимость централизации и перехода опытных станций под начало Наркомата земледелия, причем, как подчеркивает автор, идея эта не насаждалась сверху, а исходила от самих специалистов. «Необходимо идти по пути централизации... — заявлял А.И. Стебут. — Только государство сможет создать подобающую обстановку для научной деятельности, правильно поставить охрану опытных учреждений» (т. 2, с. 167). Но обращение к государству было во многом вынужденным. С одной стороны, в условиях разрухи число опытных станций, как это ни парадоксально, увеличилось — утроилось по сравнению с дореволюционным временем. Причиной этого стало большое число «свободных» помещичьих имений, утративших хозяев в результате земельной реформы и «занятых» учеными и специалистами. Явление это, отмеченное уже ранее историками российской науки, впервые исследуется автором достаточно широко и полно. С другой стороны, потеряв прежних патронов, станции оказались в тягостной зависимости от местных органов власти, сплошь и рядом мешавших их деятельности и отказывавших в финансировании.

В какой степени стремление ученых к централизации продолжало прежнюю линию — сотрудничество с государством означало использование его возможностей и сохранение специалистами за собой решающего слова? Во всяком случае, из рассказываемого автором с очевидностью следует: обращаясь за помощью к Наркомзему и говоря о централизации, ученые верили в то, что наркомат возьмет на себя административно-хозяйственные функции, а контроль за научной стороной будет осуществляться самими специалистами — во многом «по-старому», на съездах и совещаниях. Поначалу большевики, если судить по их деятельности в различных наркоматах, обнаруживали явное стремление считаться со специалистами, привлекать их к решению не только узкопрофессиональных, но и общих вопросов культурного и хозяйственного строительства. Поэтому неожиданным становится решение Наркомзема провести в 1923 г. реформу опытного дела, подчиняя его не научному и коллегиальному, а прежде всего административному руководству. Необъяснимым (во всяком случае мы не находим объяснения в материалах автора) это решение выглядит потому, что если иметь

в виду общую политику огосударствления науки, то принимается оно слишком рано, в начале НЭПа, а не в годы «великого перелома». По сути, реформа 1923 г. означала, что от прежней системы отказываются — не только сокращалась сеть станций, но и все опытные учреждения разбивались на два разряда: занимающиеся самостоятельной научной работой институты и практически отлученные от нее (хотя последнее могло варьировать) местные станции.

И здесь необходимо иметь в виду важное различие. Одно дело, если сеть опытных станций оказывается подконтрольной некоему центральному органу, но сами принципы организации сети и выработки научной политики остаются в основном неизменными, совсем иное — переход к иерархическому подчинению одних научных учреждений — периферийных, другим — центральным. Хотя проект создания Центрального агрономического института был впервые разработан еще в 1891 г. и до революции так и не осуществился, многие писавшие для сельскохозяйственной прессы авторы продолжали смотреть на него с опасением, если не с ужасом, как на правительственную затею, удушающую местную инициативу — своего рода монстр, напоминающий Институт экспериментальной медицины, уже самым своим весом задавивший и искаживший естественную систему научных приоритетов. В то же время одним из поддерживавших реформу 1923 г. был, как отмечает автор, Н.И. Вавилов, и объяснялось это не только тем, что создававшийся под его руководством Институт прикладной ботаники и новых культур как раз и попадал в выгодное положение. Очевидно, позиция Вавилова была связана и с его принципами: масштабными и далеко идущими планами интеграции фундаментальной науки и практики, а также с будущей ролью организатора ВАСХНИЛ, первого, пожалуй, в нашей истории учреждения «большой науки», деятельность которого была в значительной степени построена по принципу централизации и, как отмечает автор, отраслевой специализации. Важно, однако, на наш взгляд, и то, что в 1920-е гг. продолжали существовать иные, альтернативные проекты, во главу угла ставившие развитие сети относительно небольших и самостоятельных исследовательских учреждений. А признаки оппозиции централизации можно, как нам представляется, найти в публичных выступлениях, служебной и частной переписке таких ученых, как В.И. Вернадский, Ю.А. Филипченко, Н.К. Кольцов.

Роль централистской модели оказывается односторонне преувеличенной и раздутой в дальнейшем — в сталинское время, что могло пойти отдельным отраслям науки, в том числе прикладной, на пользу, но резко увеличивало и опасность ошибок, идейного монополизма — лысенковщина надолго останется здесь наиболее ярким примером. Не будь централизация опытного дела чрезмерной, возможно, и деятельность Лысенко, полагает автор, не приобрела бы столь катастрофические масштабы, не нанесла бы такого сокрушительного удара по российской агрономической науке. Важнейший урок из рассказанного О.Ю. Елиной заключается, на наш взгляд, в том, что для устойчивого и успешного развития прикладных исследований, обслуживающих, казалось бы, сугубо хозяйственные интересы, необходимы не только усилия правительства и действие рыночных сил, но и разветвленная, плюралистическая система общественных институтов, независимая местная инициатива — именно это обусловило «цветущую сложность» русской агрономии, неотделимой, впрочем, от широкого мира русской культуры. В любом случае историкам суждено, по-видимому, мыслить «в сослагательном наклонении» и заниматься поиском альтернатив — место в нашей памяти, в том числе профессионально-исторической, принадлежит не только тому, что «продолжилось» и пустило прочные корни в настоящем, но также, по выражению Ф.А. Степуна, «бывшему и несбывшемуся».

Подводя итог сказанному, выразим убеждение, что сочинению О.Ю. Елиной предстоит долгая жизнь: оно, на наш взгляд, не только станет настольной книгой для историков российской сельскохозяйственной науки, но и привлечет внимание всех, профессионально занимающихся историей науки в нашей стране. Энциклопедичность работы особенно заметна при чтении Приложений — полного списка сельскохозяйственных опытных учреждений, доведенного автором до начала 1930-х гг., а также списка литературы, которым в научный оборот впервые вводится большое число совершенно новых источников. Не отклоняясь от общей линии повествования, отдельные главы и разделы книги, в частности посвященные истории «царских садов», а также становлению отечественной агрохимии в годы I Мировой войны, представят самостоятельный интерес для читателя.

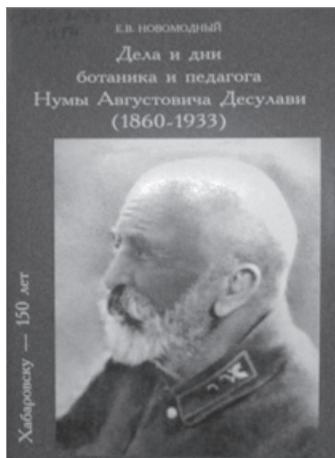
Швейцарский коллектор флоры Кавказа и Дальнего Востока

А.А. ФЕДОВА

Санкт-Петербургский филиал Института истории
естествознания и техники им. С.И. Вавилова,
Санкт-Петербург, Россия; f-anastasia@yandex.ru

Автор книги «Дела и дни ботаника и педагога Нумы Августиновича Десулави»² Евгений Владимирович Новомодный давно собирает сведения по истории биологических исследований Дальнего Востока. В 1998–2004 гг. он заведовал отделом природы Хабаровского краевого краеведческого музея (далее — ХККМ). Здесь во время ремонта был обнаружен весьма объемный гербарий (более 2 тыс. листов), считавшийся утерянным, — личная коллекция педагога и лингвиста Нумы Августиновича Десулави, швейцарского подданного, известного коллектора растений кавказской и дальневосточной флоры. Нельзя сказать, чтобы эта личность была совсем обойдена вниманием исследователей, так как Н.А. Десулави входил в ближайшее окружение известного путешественника и писателя В.К. Арсеньева, а арсениеведение представляет одну из наиболее разработанных дальневосточными историками тем.

Этикетки гербарных сборов (по сути являющиеся очень краткими дневниковыми записями) послужили направляющим вектором жизнеописания. Как с самого начала заявляет автор, исследование не является исчерпывающей биографией Н.А. Десулави, но материал,

² Новомодный Е.В. Дела и дни ботаника и педагога Нумы Августиновича Десулави (1860–1933): Материалы к научной библиографии друга и сподвижника В.К. Арсеньева. Хабаровск: Хабаровский краевой краеведческий музей им. Н.И. Гродекова, 2008. 92 с.; ил. 300 экз.